

И.И. Спивак-Лавров¹, М.Р. Балтымова^{2*}

¹Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Актөбе, Қазақстан

²Қазақский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Қазақстан

E-mail:¹irinaspivaklavrov@rambler.ru; ²mbr76@mail.ru

ORCID: ¹0009-0003-8346-6622, ²0000-0002-2758-8436

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО СВАДЕБНОГО ПРИЧИТАНИЯ И СЫҢСУ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. В статье рассматривается свадебный обряд в русском и казахском фольклоре как культурологический феномен. Основное внимание уделяется этимологии, рецепции и специфике жанров свадебного русского причитания и казахского сыңсу. Работа строится на научных концепциях Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, В.Я. Проппа, М.О. Ауэзова, Ю.Г. Круглова. Определяется происхождение жанров, их связь с древним обрядом инициации, тождество жанров на различных уровнях поэтики. Выявляется генетическая корреляция похоронных и свадебных плачей в мировом фольклоре. Основной метод исследования сопоставительный в аспекте компаративистики. Свадебный обряд – это комплекс, объединяющий элементы различного рода (ритуальные действия, предметы материальной культуры, песенный фольклор). Он состоит из четко обозначенных комплексов действий, обладающих смысловой завершенностью и функциональной значимостью. В процессе исторического развития генетическая и семантическая наполненность обрядовых действий утрачивалась или переосмыслялась, постепенно приобретая эстетический характер. В большей степени эти изменения и трансформации касаются плана выражения, в отличие от которого глубинный пласт обряда (план содержания) оказывается наиболее устойчивым. Основным выводом является гипотеза о тождестве жанра свадебных причитаний в культуре самых разных мировых этносов.

Ключевые слова. Обряд, инициация, архетип, причитание, образ, символ, сыңсу

И.И. Спивак-Лавров¹, М.Р. Балтымова^{2*}

¹Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе, Қазақстан; ²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

E-mail:¹irinaspivaklavrov@rambler.ru; ²mbr76@mail.ru

ORCID: ¹0009-0003-8346-6622, ²0000-0002-2758-8436

ОРЫС ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ФОЛЬКЛОРЫНДАҒЫ ҚЫЗ ҰЗАТУ ДӘСТҮРІНДЕГІ ЖЫЛАУ МЕН СЫҢСУДЫҢ ТИПОЛОГИЯЛЫҚ ҰҚСАСТЫҒЫ

Аннотация. Мақалада орыс және қазақ фольклорындағы неке кию рәсімі мәдени құбылыс ретінде қарастырылады. Орыс үйлену тойындағы қалыңдықтың жылауы мен қазақтың сыңсу жанрларының этимологиясына, қолданылуына, ерекшелігіне басты назар аударылады. Жұмыста Д.С. Лихачев, М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, М.О. Әуезов, Ю.Г. Кругловтың ғылыми тұжырымдары негізге алынған. Жанрлардың шығу тегі, олардың ежелгі бастау ырымымен байланысы, поэтиканың әртүрлі деңгейіндегі жанрлардың ұқсастықтары айқындалады. Әлемдік фольклордағы жоктау мен үйлену кезіндегі қалыңдықтың жылауының генетикалық байланысы зерделенеді. Негізгі зерттеу әдісі ретінде компаративистика аспектісінде салыстырмалы зерттеу әдісі қолданылады. Неке кию рәсімі – әртүрлі

элементтерді (салттық әрекеттер, материалдық мәдениет объектілері, ән фольклоры) біріктіретін кешен. Ол мағыналық толықтығы мен функционалдық мәні бар нақты анықталған әрекеттер жиынтығынан тұрады. Тарихи даму барысында ғұрыптық әрекеттердің генетикалық-семантикалық мазмұны жоғалып немесе қайта ойластырылып, бірте-бірте эстетикалық сипатқа ие болады. Көбінесе бұл өзгерістер мен түрлендірулер бейнелеу түріне қатысты, соған қарағанда салттың терең қабаты (мазмұндық жоспары) тұрақты болып шығады. Негізгі қорытынды ретінде дүние жүзіндегі сан алуан этностардың мәдениетіндегі үйлену тойындағы қалыңдықтың сыңсу дәстүрінің ұқсастықтары туралы болжам жасалады.

Түйін сөздер. Дәстүр, бастама, архетип, жылау, образ, символ, сыңсу

I.I. Spivak-Lavrov¹, M.R. Baltymova^{2*}

¹K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Kazakhstan;

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

E-mail: ¹irinaspivaklavrov@rambler.ru, ²mbr76@mail.ru

ORCID: ¹0009-0003-8346-6622, ²0000-0002-2758-8436

TYPOLOGICAL SIMILARITY OF THE WEDDING LECTURE AND SYNSU IN RUSSIAN AND KAZAKH FOLKLORE

Annotation. The article examines the wedding ceremony in Russian and Kazakh folklore as a cultural phenomenon. The main attention is paid to the etymology, reception and specificity of the genres of Russian wedding lamentation and Kazakh son su. The work is based on the scientific concepts of D.S. Likhachev, M.M. Bakhtin, V.Ya. Propp, M.O. Aueзов, Yu.G. Kruglov. The origin of genres, their connection with the ancient rite of initiation, the identity of genres at various levels of poetics are determined. The genetic correlation of funeral and wedding laments in world folklore is revealed. The main research method is comparative in the aspect of comparative studies. A wedding ceremony is a complex that combines elements of various kinds (ritual actions, objects of material culture, song folklore). It consists of clearly defined sets of actions that have semantic completeness and functional significance. In the process of historical development, the genetic and semantic content of ritual actions was lost or rethought, gradually acquiring an aesthetic character. To a greater extent, these changes and transformations concern the plane of expression, in contrast to which the deep layer of the ritual (the plane of content) turns out to be the most stable. The main conclusion is the assumption of the identity of the genre of wedding lamentations in the culture of the most diverse world ethnic groups.

Keywords. Ritual, initiation, archetype, lamentation, image, symbol, synsu

1. Введение

В современном мировом литературоведении появился интерес к древним архетипическим корням какого-либо литературного жанра, сюжета, образа, «стремление раскрыть глубинные связи художественного произведения с его праосновами, выявить в нем наиболее универсальные модели, архетипы, которые выводят его на общекультурный и общечеловеческий уровень» (Ибраева, Шашкина, Адилбекова, 2022: 210). В фольклоре же эту глубинную связь можно обнаружить особенно ярко.

М.М. Бахтин выделял основной комплекс, значимый для древнего человека вне зависимости от пространственного и временного контентов. Основными элементами этого комплекса были базовые явления, необходимые для выживания рода: еда, питье, зачатие, рождение и смерть, фазы солнца и луны. «При этом все члены соседства (все элементы комплекса) равнодостоинны. Еда и питье так же значительны в этом

ряду, как и смерть, и деторождение, и солнечные фазы» (Бахтин, 1975: 360). Все эти понятия и явления связаны со свадебным обрядом, поэтому свадьба – это сакрально-символический и хозяйственный акт, в этом и заключается двойственность данного ритуала. Кроме того в свадебном ритуале проявляется двоеверие, то есть смешение и синтез более древних доязыческих и языческих представлений и ритуалов, а также более поздних, соответствующих монотеистическим религиям.

По мнению ученых, «свадебные церемонии рассматривались как выражение социальных ценностей диаспоры» (Rosenberg-Friedman, 2012: 27). Свадьба понималась как коллективный обряд. Невеста, в первую очередь, новый член семьи и рода. Невеста должна была обладать здоровьем, чтобы рожать потомство и быть умелой хозяйкой. В свадебном ритуале присутствует целый комплекс древнейших магических обрядов, таких как карпогонические (оплодотворяющие), очищающие и оберегающие обрядовые действия, связанные с различными жанрами и этапами свадьбы. Дж. Фрейзер замечает: «Ход мысли, лежащей в основе ритуальных действий, помогает выявить несколько простых нитей, которые переплетаются в запутанный клубок, отделить абстрактные принципы от их конкретных приложений» (Фрейзер, 1980: 10). Инициация невесты является, на наш взгляд, базовым сакральным смыслом в понимании свадебного обряда в мировом фольклоре. Обряд инициации (посвящения невесты), предполагающий ритуальную смерть, связанную с омовением, оплакиванием, и возрождение в других ипостасях (жены, невестки, матери) в семье будущего мужа. Жених вносит невесту в дом на руках, так как она в сакральном плане воспринимается в этот момент как только что родившийся младенец.

2. Материалы и методы

2.1. Методы исследования

Базовым методом исследования является типологический и сравнительный в аспекте компаративистики, целостный в отношении текстов фольклорных произведений.

2.2 Материалы исследования

В качестве материалов исследования используются варианты текстов русских причитаний и казахских сыңсу.

3. Обсуждение

Данная тема не была исследована в фольклористике в аспекте компаративистики. Д.С. Лихачев называл самыми древними лирическими жанрами «плач и славу» (Лихачев, 1998: 328), отмечая, что все современные лирические жанры восходят к этим архаичным формам. Основными лирическими жанрами свадебного обряда являются причитания, величания и собственно песни. Свадебные причитания или причеты в русском фольклоре исполняются от первого лица (невесты) и имеют драматическую окраску, так как восходят к древним поминальным плачам. Невеста прощается с родным домом, с батюшкой, матушкой и любимыми подругами. Жанр сыңсу в казахском фольклоре обладает аналогичными признаками. Этот жанр связан с инициацией невесты, «условными похоронами», то есть с ее ритуальной смертью и возрождением в новом качестве. В.Я. Пропп связывал генезис волшебной сказки с обрядом инициации: «Сказка сохранила следы некогда широко распространенного обряда посвящения юношества. Основным содержанием его был как бы переход в

новое состояние, в иную, более зрелую возрастную категорию, и это в ряде случаев понималась как временная смерть» (Пропп, 2000: 336). Для юношей инициация чаще всего представляла суровые испытания, связанные с отделением от основного племени и выживанием, а для девушки инициация сопряжена со свадебным ритуалом. М. Ауэзов высказывал идею, что у истоков формирования эпической поэмы и лирической протяжной песни находились плачи.

Сыңсу – это лирический свадебный жанр, который исполняется накануне отъезда девушки из своего дома, прощание со своей молодостью, родиной, родственниками и подругами. Во всех странах существует обычай прощаться с родителями, родственниками и сверстниками девушки, которую отправляют к «чужому чужанину». У казахов такое стихотворение, исполняемое на свадьбе девушки, называется «прощание девушки», «прощание», «крик девушки», «встреча девушки», «сыңсу». М. Ауэзов выделил его в отдельный жанр казахского фольклора и первым исследовал его. В «Истории литературы» он назвал ее «Коштасу-танысу», а С. Сейфуллин – «Сыңсыма». Однако в последних сборниках и исследовательских работах термин «сыңсу» часто используется и уже стабильно входит в инструментарий современной фольклористики.

В русской традиции накануне свадьбы проводился девичник, и подруги присоединялись к исполнению причета невесты. Причет невесты в русском фольклоре состоял из просьбы девушки к своим подругам вспоминать совместные гулянья и свободную жизнь в девичестве. Замужнюю сестру лирическая героиня просила рассказать ей, как ладить с родственниками будущего мужа. Но в большей степени плач невесты был адресован родителям и содержал просьбу не отдавать ее замуж:

Отдают меня, молоду,
На чужую на сторону,
За чужово чуженина.
Надо жить – обживатися,
За роботку приматися,
За роботку тяжёлюю.

На чужой на стороншке (Круглов, 2018: 28). В плаче чувствуется тревога по поводу новой жизни, тоска по родственникам и веселью прошлого. Это не означает, что невеста не хотела выходить замуж или часто страдала из-за того, что выходит замуж против своей воли. Согласно древней традиции плач предшествовал свадебному пиру и другим этапам обряда. Накануне свадьбы подружки невесты отводят ее в баню, после чего расплетают косы, которые обязательны для девушки, затем выплетают ленты из кос и невеста дарит их своей сестре или незамужним подругам. Это начало очень важного события – превращения, инициации невесты. Пример причитания невесты с подружками:

Уж ты мила моя подружечка,
Уж ты выстань из дубовой лавицы,
Уж ты расчеши мои русы да волосочки,
Уж вплети мне алу да ленточку,
Уж перечеши меня по-старому (Круглов, 2018: 47).

Причитание было незаменимым элементом свадебного ритуала и выполняло свою традиционную функцию. Оно передавало настроение и состояние невесты, выполняло ритуальные функции, отражало определенные этапы обряда и отношение к нему участников. Существовала также психотерапевтическая функция снижения нагрузки на невесту при переходе к зрелому возрасту. Сердечная драма невесты была раскрыта с помощью особых поэтических и словесных средств и общего тона причета. В целом, в свадебных причитаниях сохранены древние структуры и функции, поэтические образы и традиционные мотивы.

Свадебный плач, причитание – это синтез слов, музыки и драматических действий, в этом жанре наиболее полно развивается синкретизм фольклора. До сих пор этот жанр рассматривался как музыковедческий или филологический. Драматическая суть свадебного причета мало исследована. Поэтому в данной работе речь идет об анализе не только текста свадебного причитания, но и его исполнения. Без этого анализа невозможно понять многие особенности как художественного времени, так и художественного пространства в этих фольклорных произведениях. Хотелось бы особо подчеркнуть этот момент, потому что он в корне отличается от общего мнения о том, что свадебные причитания предназначены только для того, чтобы комментировать церемонию свадьбы. Известно, что невеста плачет, когда ее засватали, и заканчивает причитать перед венчанием в церкви, то есть задолго до того, как свадьба закончится. Причитания по случаю свадьбы, похоже, не комментировали свадебную церемонию, а усиливали драматизм свадьбы.

Особенности художественного времени в свадебных причитаниях можно понять, отметив, что сам свадебный причет исполнялся как повествование о чем-то, происходящем в момент исполнения. Д.С. Лихачев дает общее определение этой особенности: «Художественное время обрядовой поэзии – время настоящее. Обрядовая поэзия сопровождает обряд, оформляет его, комментирует, является частью его. Обряд может быть связан с воспоминаниями о прошлом, с мыслями о будущем, но основное в обряде – это то, что совершается сейчас в присутствии многих людей» (Лихачев, 1979: 215).

События, которые уже произошли, также выражаются в причетах с точки зрения настоящего. Кроме того, это изображается не как что-то самостоятельное само по себе, а как пересказ истории невесты, которая живет только тем, что происходит во время причета.

Невозможность изобразить свадебный причет в будущем времени сильно отличается от других недраматических фольклорных жанров, прозы и лирики. Особенностью художественного времени свадебного причета является то, что всегда изображаются события, которые произошли на самом деле, а также то, что в свадебном причитании нет прошлого и будущего, а только настоящий момент.

Во многих жанрах фольклора четко прослеживается различие между художественным временем и временем исполнителя. Например, концовка сказки ясно показывает это. «Я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало» – эта формула заставляет слушателя народных сказок сразу понять, что время, изображенное в сказке, и время нарратора – это разное время. Обычно жанры фольклора повествуют о событиях прошлого, которое воспевается в былинах,

исторических песнях и балладах. Чтобы осмыслить эти события, обычно требуется время исполнителя или нарратора. Эти жанры, несмотря на их дифференциацию, объединяет то, что они всегда рассказывают о том, что уже произошло. Свадебный причет – это монолог, который непосредственно выражает то, что происходит в данный момент и исполняется в настоящее время. Художественное время в произведении и время исполнителя в данном случае совпадают. Художественное время в свадебных причитаниях всегда целостно, едино, неразделимо, как если бы это было само реальное время. Свадебный причет всегда передает события и действия, которые следуют друг за другом во времени, не прерывая его.

В связи с этим достаточно будет сравнить картину времени в жанре не обрядового фольклорного жанра с картиной времени в свадебных причитаниях. Например, художественное время в лирической песне может прерываться, оно может быть быстрым или медленным. Это во многом зависит от исполнителя. То есть исполнитель песни и лирический герой дифференцируются, а в свадебном причете исполнитель и лирическая героиня составляют единое целое.

В это время девушки, которые раньше навещали невесту, сидели в кругу и шили подарки жениху и его родственникам. Когда начало темнеть, невеста прерывала работу и пела причет. Таким образом, время причета совпадало со временем захода солнца.

Свадебные причитания также характеризуются особенностями выражения пространства. Эти функции имеют очень тесную связь с конкретным течением времени в них. Время и художественное пространство обусловлены и дополняют друг друга, их сочетание придает качество, отличающее причеты свадьбы от других жанров фольклора. Пространство в причете о свадьбе в основном описывает обстановку, в которой действует невеста и происходят все события свадьбы, и выражает только пространство, которое характеризует данный момент.

Итак, свадебные причитания призваны вызывать определенные эмоции и ощущения у окружающих людей. «Свадебный плач» – это соединение традиционной поэтики и импровизации. Традиционно, с самого начала свадебной церемонии (от сватовства до свадьбы) невеста должна была испытывать привязанность к своей девичьей жизни дома и всячески выражать неприятие жениха и его семьи. Если невеста мало поплачет перед тем, как уйти, это все равно, что проявить к близким и подругам мало уважения и любви. Но после того, как она уйдет в семью мужа, не должно быть пролито ни капли слез. Новые родственники будут в гневе. Здесь можно увидеть этическую функцию причета. Основная тема причета – это плач о «свободе воли» и прощание с родным домом, родственниками и подругами.

4. Результаты исследования

Плачи в русском фольклоре можно классифицировать в соответствии с этапами свадебного ритуала:

1. «Плачи сговорные» исполнялись на свадьбе, после рукобитья (когда девушка просит родителей не выдавать замуж. Если родители дали согласие, то девушка обвиняла их в равнодушии и просила их взять назад данное слово).

2. «Гостибные» причеты раздавались на прощальном объезде родственников, после сватовства (жалобы и обвинения, просьба защиты от жениха). Замужняя

женщина плакала в ответ на горе брака, на крик невесты, жалующейся на то, что она рассталась со «свободной волей».

3. «Плач на Девичнике» – Прощание с Девичеством (строчка исполняется плачем).

4. «Банные причитания» исполнялись во время купания в бане перед их свадьбой. Основным содержанием была просьба о благословении, ложное осуждение (такое ложное осуждение, что вода для омовения была принесена с болота и растоптана «незнакомцем», конем жениха).

5. «Свадебный плач». Мать, дочь и друзья разделяют плач во время утреннего пробуждения, когда невеста переодевается, расплетают косу, жених появляется в доме. Невеста просит помощи у стихий, родственников и подружек. Когда невеста громко плакала, ее пытались успокоить, но старшие женщины советовали не успокаивать невесту, потому что была примета, что «если вы не будете плакать за столом (на девичнике), вы будете плакать у столба (в конюшне, в доме мужа)». Из этого можно сделать вывод о том, что свадебное причитание невесты также выполняло магическую защитную функцию.

В казахском фольклоре существует свадебный обряд – «Қыз ұзату», т.е. проводы невесты, который делится на несколько этапов. Во время этого ритуала невеста прощается со своими родителями и родственниками. В старину во время прощания невеста исполняла «сыңсу», этот жанр практически идентичен свадебному причитанию в русском фольклоре.

Исполнение «сыңсу» – одна из традиций казахского свадебного ритуала. Это тихая песня под названием «сыңсу» (буквально «рыдания, всхлипывание»), и она занимает центральное место среди обрядовых песен. Ни одна казахская девушка не имела права нарушать эту традицию. За исключением тех девушек, которых украли (алып кашу) или которые сбежали с любимым человеком против воли своих родителей.

Известно, что казахские девочки с детства слышат слово «қыз жат жұрттық» (девушки принадлежат другим). Оно было придумано и повторялось для того, чтобы психологически подготовить девушек к будущей жизни. И когда они, взрослея, понимали, что рано или поздно уйдут в другую семью и попрощаются со своим родным очагом. В известной песне «Балқадиша» есть слова со значением о чувствах, возникающих, когда родственники прощаются с девушкой.

Бұландап асау тайдай жүрген басың,

Боларсың қандай жарға, дүние-ай, жар Қадиша!

Жила свободна ты, как веселый жеребенок,

Чьей же будешь суженой ты, Кадиша! (Призыв к смирению) (Уахатов, 1974: 204).

«Сыңсу» основано на выражении эмоций и стремлении к смирению. Невеста не сразу покидала родной дом. Прежде чем переступить порог родного дома, она входит в юрту со своим женихом, где ее отец дает благословение молодым – Бата.

Прежде чем она уйдет, отец спрашивал свою дочь, чего она хочет. Девушка могла попросить что угодно взамен (например, лошадей, дорогие украшения, золотые аксессуары, мебель и т.д.). Ей ни в чем не было отказано.

Когда девушка прощается, кто-то, обычно старшая женщина, как пишет ученый Х. Аргынбаев (Аргынбаев, 1973: 18) берет кусок вареного мяса, баурсаки, соль или другую пищу, предварительно завернутую в тряпичную салфетку, и проводит ею по голове девушки 2-3 раза, чтобы «құт» (счастье) не покинул дом вместе с ней.

Жанр «сыңсу» необходимо дифференцировать от жанра «коштасу». Считается, что использование этой лексики связано со страхом перед словом «коштасу» (прощание), которое означает, что невеста может физически уйти. Девушка со своими подругами обходила своих родных, прощалась, исполняла традиционную песню «сыңсу», в которой пела о своих любимых родителях, о приятных девичьих годах, которые она провела дома, и о печали расставания с родными и близкими.

Несмотря на то, что жених ей нравился, девушка, когда пела прощальную песню, горько плакала. Если она не проливает слез, говорят, что она с удовольствием расстается со своими родственниками. В это время родственники невесты дарили ковры, ткани, украшения и так далее. Вполне разумно, что и невесте, и всем родственникам приходится пережить волнительный момент расставания, а девушка не может попрощаться с родственниками без слез.

Казахи издавна говорили: «Өлең – сөздің патшасы» (царь слова – стих). В степи каждый мог сочинять стихи, поэтому от невесты ожидалось исполнение сыңсу собственного происхождения. Казахские девушки сочиняли свои собственные прощальные песни и придумывали мелодии. Те, кто не мог сочинить песню, обращались за помощью к акыну и наизусть заучивали текст. Повторение уже спетого текста не приветствовалось. Для этого была своя причина. «Сыңсу» – это не просто песнопение, а своего рода послание, краткое изложение жизни, оставшейся позади. Девушка благодарила своих родителей и родственников, пела о своих мечтах и надеждах на будущее. Также песней высказывали недовольство и обиды, например, за то, что выдают бесприданницу за богатый калым. В народе сохранилось немало текстов песен сыңсу.

Әуеден ұшқан бөдене,
Ақ үйге салған дөдеге.
Өз үйіңнен кеткен соң,
Көрген күнім немене?!
Қарағай ерге ас болмас,
Қыз бала елге бас болмас.
Өз үйінен кеткен соң,
Бал жесең де, ас болмас (Дала фольклорының антологиясы, 2020: 318).

Қайран ауылым қалады-ау,
Қарасам көзім талады-ау,
Әлпештеген ел-жұртым,
Жылай да жылай қалады-ау.
Бұлғақтап жүрген заманым,
Білмей де қалдым өтерін.
Малға мені сатқандай
Мен жұрты ма жау ма едім.

Аул любимый машет рукой вдали,
Глаза смотреть устают, все остается в пыли.
Любившая меня родня

В слезах осталась навсегда.
Где время счастливое, как лето жеребенка,
Неведомо, что счастье покинет ребенка.
Разве ж я была врагом вам, родня,
Что за калым вы отдали чужому меня? (Уахатов, 1974: 178).

В то время как главным в «сыңсу» было прощание девушки со своей страной и землей, девушка также прощалась со своим детством. Это прощание девушки с тубетейкой-такия, вместо тубетейки надевают саукеле, кимешек.

«Сыңсу» – один из самых образных жанров, богатый лирическими переливами в свадебных песнях. Хотя его внутреннее содержание наполнено грустью, волнением и слезами, все заканчивается оптимистически. Такое позитивное настроение неразрывно связано с традиционным мировоззренческим руслом – не нарушать обычаи и традиции народа, соблюдать родительские наставления. К.С. Матыжанов отмечает, что «в древние времена уравнивали/уподобляли замужество с похоронами, а переход девушки от одного народа к другому, из одной среды в другую, из одной социальной группы в другую (от девичьей жизни к статусу невесты) осозновался как ритуал «переходного обряда». По традиционному обычаю, девушка пела «сыңсу» («причитание»), т.е. исполняла ритуальный плач» (Матыжанов, 2020: 174).

Стихи, звучащие в девичьих устах, богаты традиционными образами и национальными мотивами. Такие этнографические детали как «Шашыма таққан шаш теңге», «Жылқыда бар ту құйрық», «Былғары тоқым бүкпелі, мен ағама өкпелі», «Қарадан қамзол пішіндер, жібектен арқан есіндер», «Буынғаным беліме кісе ме еді», «Неге өсті екен қыз сорлы сылауменен, тал шыбықтай аш белін қынауменен», «Бір бешпетім бар еді дүриядан» являются не просто деталями быта, в них заключены традиционные символы казахской культуры.

Жанр «сыңсу» строится на глубоком подтексте, символике и психологическом параллелизме. Некоторые тропы могут показаться неожиданными, но в их происхождении прослеживается древнее мировоззрение и архетипические образы. С точки зрения внешней композиции стих состоит из четырех строк, в большинстве случаев, из десяти, одиннадцати слогов в каждой строке. «Сыңсу» «Балкадиша» является традиционным причетом, который имеет древнюю историю и исполняется в настоящее время. В этом тексте о прекрасной Хадише объединяются жанры причитания и величания, оплакивание и восхваление Хадиши.

Обряд прощания с девушкой – многоэтапное событие: перед свадебной церемонией жители деревни и близкие родственники приглашают девушку и проявляют о ней заботу, дарят подарки. Заходя в каждый дом, девушка плачет и выражает свою печаль, а затем утешается. По записям А.Левшина, во время такого прощания девушку иногда несли на толстом ковре. Именно на этом этапе девушка выплакивает свою печаль и исполняет сыңсу, родственники, согласно традиции, утешают ее. Во время прощальной встречи с братом девушка обращается к нему с криком и плачем, этот эпизод напоминает традицию приходить в дом брата в момент смерти близких родственников. Это не единственная черта, которая сближает сыңсу с траурными плачами. Ритуал встречи и прощания с родственниками девушки также сопровождается траурными песнями. Не только церемония сыңсу, но и ее содержание

и тон связаны с трауром. Все это доказывает, что происхождение сыңсу можно отнести к ритуальному плачу. То есть в древности переход девушки из одной семьи в другую, из одной среды в другую, из одной социальной группы в другую социальную группу (от незамужней девушки до статуса жены) был связан с «обрядом посвящения». Поэтому по традиции девушка произносила сыңсу и совершала ритуальный плач.

5. Заключение

Сходство между свадебным причитанием в русском фольклоре и сыңсу состоит в том, что песня представляет собой монолог, исполняемый от первого лица лирической героини, и включает в себя момент импровизации. В причитании и сыңсу общая тематика: прощание с молодостью, со свободной жизнью в девичестве, батюшкой, матушкой, подружками и родней, пугающая атмосфера новой семейной жизни (муж чужой чужанин). В поэтике данных лирических жанров присутствует символика, психологический параллелизм, постоянные эпитеты, специфический хронотоп. Таким образом, время причитаний и сыңсу характеризуется как настоящее время, которое по своей природе неотделимо от драматического момента и совпадает с реальным временем.

Безусловно, существуют определенные маркеры, отражающие культурологические и исторические особенности этносов в казахском и русском фольклоре, но древняя, архаичная основа свадебных ритуалов остается идентичной. Причитания, также плач, причет – это особые лирические жанры народной обрядовой поэзии, связанные с похоронными и свадебными церемониями. Этот древний лирический жанр существует у всех народов. Это подтверждает однородность древнего архетипического народного сознания или коллективного бессознательного. В мировой литературе существует множество примеров погребальных плачей: библейский плач Давида над Авессаломом, плач Андромахи над убитым Гектором, плач Ярославны о плененном Игоре, плач Ахана-серы над верным конем Кулагером. В своем похоронном плаче – кошаке (кирг.) Каныкей оплакивает не только личную утрату и семейное горе, но и дает оценку всей жизни и достижений Манаса, призывает его братьев-родичей продолжить дело вождя. Мы можем предположить, что плач героини – вдовы существовал уже в ранних вариантах эпоса. Для наших предков плач был настолько важен, что составлял основную часть устного народного творчества. В русском и казахском фольклоре существовали профессиональные вопленицы, исполняющие как свадебные, так и погребальные плачи–жоктау. В настоящее время «сыңсу» вновь возрождается, в том случае, если невеста не исполняет «сыңсу» сама, то за нее поют снохи или вопленицы. По казахской традиции, вопленица обязательно должна быть замужней женщиной и иметь детей. «Каждая плакальщица обладает запасом традиционных образов и сравнений, но варьирует их соответственно своему вкусу, настроению. В сознании плакальщицы существует традиционная «схема», композиция плача, которая состоит из расположенных в определенной последовательности «общих мест» (Васильев, 1971: 94).

Первоначальная традиция причитания на похоронах обретает новую интерпретацию и трактовку в свадебном ритуале. Это объясняется идеей о том, что свадьба для невесты считается «условными похоронами» и генетически связана с обрядом инициации девушки, то есть ее мнимой смерти и возрождения в новых ипостасях жены, матери и снохи.

Литература:

1. Аргынбаев Х.А. Свадьба и свадебные обряды у казахов (XIX – начало XX вв.) // Советская этнография. – Москва: Наука, 1974, №6. – с. 69-78.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Васильев А.Г. Композиционные особенности похоронных причитаний // Русский фольклор: материалы и исследования. Т.12: Из истории русской народной поэзии. – Ленинград, 1971. – с. 91-101
4. Дала фольклорының антологиясы: Он томдық. Т. 6: Ғұрыптық фольклор /Томды құраст., баспаға дайынд. Рақыш Ж., Әлбеков Т., Алпысбаева Қ., Әуесбаева П., Жақан Д., Сәкен С. – Алматы: Brand Book, 2020. – 484 б.
5. Ибраева Ж.Б., Шашкина Г.З., Адилбекова М.К. Фольклоризм в романе А. Жаксылыкова «Поющие камни» // Керуен. – 2022.– №4 (77). – с. 210-220. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.4-17>.
6. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. Москва, 2018. – 342 с.
7. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Работы последних лет. – Санкт-Петербург: Логос, 1998. – 528 с.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Москва, 1979. – 215 с.
9. Матыжанов К.С. Казахский семейный фольклор: монография /К.С. Матыжанов, С.А. Каскабасов. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 374 с.
10. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. – Москва: Лабиринт, 2000. – 336 с.
11. Уахатов Б. Қазақтың халық өлеңдері. – Алматы, 1974. – 386 б.
12. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии: пер. с англ. – Москва: Политиздат, 1980. – 831 с.
13. Rosenberg-Friedman L. Wedding Ceremony, Religion, and Tradition // Israel Studies Review. – 2012. – June. – Volume 27. Issue 1. – p. 98-124 // <https://doi.org/10.3167/isr.2012.270106>.

References:

1. Argyngbaev K.A. (1974) Wedding and Wedding Rituals of the Kazakhs (19th – early 20th centuries) // Soviet ethnography. – Moscow: Nauka. – Pp. 69-78 (in Russ.).
2. Bakhtin M.M. (1975) Questions of Literature and Aesthetics. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. – 504 p. (in Russ.).
3. Vasiliev A.G. (1971) Compositional Features of Funeral Lamentations // Russian Folklore: Materials and Research. Vol. 12: From the History of Russian Folk Poetry. – Leningrad, 1971. – P. 91-101. (in Russ.).
4. Anthology of Steppe Folklore: in ten volumes. (2020) Vol. 6: Ritual Folklore /Compiled and edited by Raqysh Zh., Albekov T., Alpyssbaeva Q., Auesbaeva P., Zhakhan D., Saken S. – Almaty: Brand Book. – 484 p. (in Kaz.).
5. Ibraeva Zh.B., Shashkina G.Z., Adilbekova M.K. (2022) Folklorism in A. Zhaksylykov’s Novel “The Singing Stones” // Keruen, No. 4, Vol. 77, pp. 210-220. (in Russ.) // DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.4-17>
6. Kruglov Yu.G. (2018) Russian Ritual Songs. – Moscow. – 342 p. (in Russ.).
7. Likhachev D.S. (1998) “The Tale of Igor’s Campaign” and the Culture of Its Time. Recent Works. – Saint Petersburg: Logos. – 528 p. (in Russ.).
8. Likhachev D.S. Poetics of Old Russian Literature. – Moscow, 1979. – 215 p. (in Russ.).
9. Matyghanov K.S., Kaskabasov S.A. (2020) Kazakh Family Folklore: A Monograph. – Almaty: Kazakh University. – 374 p. (in Russ.).
10. Propp V. (2000) The Historical Roots of the Fairy Tale. – Moscow: Labirint. – 336 p. (in Russ.).
11. Uakhatov B. (1974) Kazakh Folk Poems. – Almaty, 1974. – 386 p. (in Kaz.).
12. Frazer J.G. (1980) The Golden Bough: A Study in Magic and Religion / Translated from English. – Moscow: Politizdat. – 831 p. (in Russ.).
13. Rosenberg-Friedman L. (2012) Wedding Ceremony, Religion, and Tradition // Israel Studies Review, June, Volume 27, Issue 1, pp. 98-124 // <https://doi.org/10.3167/isr.2012.270106> (in Eng.).